Ирина Викторовна Надолинская

Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования,
доцент кафедры общественных дисциплин, Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: ossana1956@mail.ru

Светлана Михайловна Петкова

Ростовский-на-Дону филиал Всероссийского государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова,
кандидат философских наук, доцент кафедры экранных искусств, Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: petkova-rgups@yandex.ru

Ирина Владимировна Упорникова

Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел России, кандидат социологических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии, Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: up_irina@mail.ru

Эволюция форм бунта в разных типах культур (антропологический аспект)

Аннотация. В статье рассматривается связь эволюции форм бунта с характеристиками человека бунтующего. Показано, что бунт присущ всем историческим типам культур. Бунт как форма социального протеста в различных обществах имеет свою специфику. Участником бунта в культурах традиционного типа является homo religious (человек религиозный), для которого власть носит сакральный характер, а любые проявления природных и социальных катаклизмов являются следствием утраты властвующими элитами легитимизации сверху. Для общества традиционного типа были характерны бунты, вызванные фрустрацией базовых потребностей человека — голодные и чумные. Становление индустриального общества сопровождается бунтами против форм жесткой фабричной дисциплины. В современном обществе потребления участниками консьюмеристских бунтов становятся представители прекариата. Реакцией на неопределенность ситуации, ограничительные меры во время пандемии, вызванной распространением вируса COVID-19, стали так называемые «ковидные бунты».

Ключевые слова: голодный бунт, моровой бунт, поведенческий бунт, карнавализация, консьюмеристский бунт, «ковидный бунт».

Irina V. Nadolinskaya

Rostov Institute of Advanced Training and Vocational Retraining of Education Workers,
Associate Professor of the Department of Social Disciplines, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: ossana1956@mail.ru

Svetlana M. Petkova

Rostov-on-Don Branch of Gerasimov Institute of Cinematography, Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Screen Arts, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: petkova-rgups@yandex.ru

Irina V. Upornikova

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: up_irina@mail.ru

Evolution of Riot Forms in Different Types of Cultures (Anthropological Aspect)

Abstract. The article considers the relationship of the evolution of forms of riot with the characteristics of a rebellious person. It is shown that riot is inherent in all historical types of cultures. Riot as a form of social protest has its own specifics in various societies. A participant in the revolt in traditional cultures is homo religious (a religious person), for whom power is

sacred, and any manifestations of natural and social cataclysms are a consequence of the loss of legitimization by the ruling elites from above. The traditional type of society was characterized by riots caused by the frustration of basic human needs — hungry and plague. The formation of an industrial society is accompanied by revolts against forms of rigid factory discipline. In the modern consumer society, representatives of the precariat become participants in consumerist riots. Reactions to the uncertainty of the situation, restrictive measures during the pandemic caused by the spread of the COVID-19 virus became the so-called “covid riots”.

Keywords: hunger riot, pestilence riot, behavioral riot, carnivalization, consumerist riot, “covid riot”.

Введение (Introduction)

Актуальность данной статьи связана с проявлениями новых форм бунтарства в современной культуре, которые стали проявляться в связи с теми изменениями в ритме, структуре и динамике человеческого существования, к которым привела, в частности, пандемия. В последние десятилетия даже в самых благополучных западных странах проявляется феномен консьюмеристских бунтов. Экстремальность социокультурной ситуации, вызванная пандемией, которая проявляется в том числе и в неопределенности, непредсказуемости, «закрытости» будущего, активизировала присущие каждой культуре нормы и механизмы регуляции индивидуального и группового поведения и их нарушение. А события последних двух лет вызвали появление так называемых ковидных бунтов, связанных с тем, что новые угрозы человеческого существования разрушают привычные структуры культуры повседневности. Всё это вызывает необходимость рассмотрения эволюции форм бунта с антропологической точки зрения.

Цель данной статьи — провести анализ эволюции форм бунта в разных исторических типах культур. Гипотезой данного исследования стало положение о том, что эволюция форм бунта находится в зависимости от характеристик человека бунтующего.

Методы (Methods)

Основные методы исследования — культурологический и сравнительно-исторический анализ. Культурологический метод исследования позволил выявить особенности способа формирования базовых потребностей личности в разных типах культур. Это было необходимо для анализа бунта как результата блокировки базовых потребностей человека, в том числе потребности в безопасности, в исследуемых типах культур. С помощью сравнительно-исторического метода была проверена гипотеза о том, что смена форм бунта зависит от изменения типов личности при переходе от общества традиционного типа к обществам модерна и постмодерна.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Феномен бунта проанализирован в рамках философии экзистенциализма А. Камю. Бунт, по мнению Альбера Камю, представляет собой экзистенциальную проблему, в которой просматриваются все изменения и вызовы современного мира, связанные с усиливающейся нестабильностью и разрушением структур личности в отдельных государствах, отношений человека и власти и т. д. Возникает тема абсурда, объединенная с темой бунта.

А сам «бунт порождается осознанием увиденной бессмысленности, осознанием непонятного и несправедливого удела человеческого. Однако слепой мятежный порыв требует порядка среди хаоса, жаждет цельности в самой сердцевине того, что ускользает и исчезает. <...> Цель бунта — преобразование. Но преобразовывать — значит действовать...» [1, с. 126]. Человека бунтующего А. Камю определяет как человека, говорящего «нет». «Но, отрицая, он не отрекается: это человек, уже первым своим действием говорящий “да”. Раб, всю жизнь повиновавшийся господским распоряжениям, неожиданно считает последнее из них неприемлемым» [1, с. 127].

Конкретную форму поведенческого бунта, присущую средневековой западной культуре, рассматривал М. Фуко. В работах М. М. Бахтина и А. Я. Гуревича исследуется феномен карнализации бунта. С точки зрения К. Маркса, бунт является незрелой формой социального протеста, который будет преодолен сознательным выступлением пролетариата против системы капитализма. Однако бунт не ушел в прошлое, а лишь изменил свои формы в современном обществе, которое Э. Бауман характеризует как «общество риска», где появляются новые угрозы человеческому существованию. Г. Маркузе связывал новые формы бунта с маргинальными слоями общества, поскольку, в отличие от современного рабочего класса, они оказались не вписаны в структуру современного общества. В обществе постмодерна, как показано в работах Ж. Бодрийяра, формируется потребительский пролетариат, становящийся активным участником консьюмеристских бунтов.

Бунт присущ всем известным в истории типам культуры. Типичные формы коллективного действия и протеста изменяются в зависимости от исторических и культурных обстоятельств. Бунт как нарушение установленного порядка — стихийная массовая реакция людей на фрустрацию базовых потребностей. Согласно теории, разработанной в 1930-х гг. Дж. Доллардом и Н. Миллером, за любым актом агрессивности скрывается фрустрация [2, с. 39]. Фрустрация представляет собой психическое состояние, наполненное тревогой, досадой, расстройством, внутренним дискомфортом, общей напряженностью. Ч. Тилли пришел к выводу о том, что общественные движения возникают как способы мобилизации ресурсов группы тогда, когда у людей нет институционализированных средств быть услышанными или когда их потребности игнорируются государственными властными органами [3]. Для анализа бунта как социокультурного феномена необходимо понимать, что «человек бунтующий» не является человеком «на все времена». И если история творится людьми, которые, по словам Макиавелли, всегда имели

и будут иметь одни и те же страсти, то формы выражения этих страстей культурно обусловлены.

Жизнь человека в доиндустриальных обществах зависела от неблагоприятных природных факторов, природных аномалий, стихийных бедствий, эпидемий. Поэтому основными видами бунтов традиционных обществ были голодный и моровой, вызванные фрустрацией естественных и экзистенциальных потребностей. Хлеб поглощал все мысли и оставался для рядового человека «фигурой первого плана» (Ф. Бродель), угроза голода и эпидемий была постоянной, причину их религиозное массовое сознание видело в греховности людей и несправедности власти. Установленный над обществом властитель воспринимался как мироустроитель, поэтому природные катаклизмы — засухи и наводнения, а также моровые болезни, были следствием недолжного правления. Так, по мнению древнееврейских пророков, постоянная опасность со стороны врагов вызвана гневом бога Яхве, недовольного недостаточным почтением людей к его культу, произволом богачей и правителей. «Величием славы Твоей Ты низложил восставших против Тебя. Ты послал гнев Твой, и он попал на них, как соломой» (Исх. 15: 7) [4, с. 68]. Смена династий в китайской историографии описывалась как результат утраты правителем мандата на правление Китаем. Так, в книге «Шу-цзин» («Книга истории», или «Книга документов») говорилось, что Небо отняло мандат на правление Поднебесной из-за распущенности последних правителей династии Ся и передало «справедливому, добродетельному и мудрому» чжоускому Вэнь-вану. В традиционном мировидении время циклично, разрушение старого миропорядка из-за накопившихся людских пороков, мирской скверны завершит одну и откроет другую эру. Характерен лозунг восстания желтых повязок — «Голубые небеса уже мертвы, тысяча лет Желтому небу» [5, с. 143]. Даосские проповедники утверждали, что только когда народ бунтует против своего рабства, он перестает жить в пыли и грязи, а Царь дрожит в высоте дворца своих предков и пресмыкается перед народом в своем убожестве [6].

«Средневековый Запад — это прежде всего универсум голода, его терзал страх голода и слишком часто сам голод» [7, с. 132]. Так, в XIV в. погибла треть населения Европы — около 25 млн человек. Во время бунта достаточно было какому-нибудь мессии объявить о грядущих временах равенства, предсказанных свыше, как бунтующие обрушивали слепую ярость на врагов христиан — цыган и евреев, которые якобы тайно распространяли моровую болезнь. В бунтах прорывалось присущее человеку средневековой Европы всепоглощающее отчаяние, источником которого был евангельский призыв к «отречению от мира». Характерная черта бунтов европейского Средневековья — хилястический характер. В сознании участников этих бунтов голод, мор и война — предвестники Апокалипсиса. Мишель Фуко писал, что для средневекового общества Европы характерно пастырство как власть особого типа, избравшая своим орудием методы, позволяющие вести людей к спасению, а своей мишенью их неподобающий образ жизни. Поведенческие бунты М. Фуко считал формой сопротивления пастырству. Участники бунтов, выступавшие против идеи пастырской власти, хотели, чтобы их вели другие поводыри,

другие пастухи, к другим целям, к другим формам спасения, с помощью других процедур и методов [8]. Таким образом, для бунтов в традиционных обществах были характерны отсутствие легализованной формы протестных выступлений, низкий уровень осознанности общности своих интересов, вера в сакральный характер власти.

В период становления новоевропейской цивилизации изменяется состав бунтующих, а также цели и характер протекания бунта. Под воздействием и в ходе промышленной революции квалифицированные мастеровые исчезающих мануфактур, разорившиеся ремесленники, потерявшие работу подмастерья, обезземеленные крестьяне по своей воле вливались в ряды наемных рабочих. Для эпохи раннего модерна характерными становились антимодерновые бунты. Так, к примеру, целью луддитского бунта была борьба против навязывания капиталистической дисциплины. Урбанизация привела к тому, что в городских кварталах люди жили в непосредственной близости друг от друга и могли относительно свободно «выйти на улицы», желая продемонстрировать свою поддержку или недовольство по какому-либо поводу. Наступает «век толпы» (Г. Лебон). «Городская чернь» становится для властей главным источником потенциальной опасности. Урбанизация привела к перенаселению городов, скученности, антисанитарии, что вызвало вспышки и инфекционные эпидемии, причины которых были неизвестны. В течение XIX в. по Европе прокатились холерные бунты. Поскольку никто не знал, чем вызвана болезнь и как ее лечить, в распространении моровой болезни люди в состоянии паники обвиняли врачей, бунтующие громили больницы и устраивали самосуд над врачами. К XIX в. начинается изучение причин бунтов, мятежей и их последствий. К. Маркс связывал бунтарство с товарным фетишизмом, сущностный признак которого видел в неизбежном отчуждении создаваемого работником единичного фрагмента общественного результата общественного труда. К. Маркс, считая антимодерные социальные бунты ошибочной формой борьбы против «производительных сил», утверждал, что стихийность бунта и несознательность его участников должны быть преодолены сознательными действиями рабочих против капиталистической фабричной системы как таковой.

В обществе потребления господствует выступающий смыслом жизни символизм материальных объектов, влекущий потребителей приобретать вещи и тем самым надеяться на определенный статус. Бедные так же «больны» потребительством, как и богатые, они формируют некий «потребительский пролетариат» [9, с. 23]. Ж. Бодрийяр писал, что современный пролетарий «...перенимает все виды дискриминации, свойственные господствующим классам, — он расист, сексист, мыслит репрессивно» [10, с. 85]. Г. Маркузе утверждал, что на смену рабочему классу приходят маргиналы — негодяи, из «темных подворотен», чье бунтарство связано с их «невключенностью» в капиталистический порядок. Аппарат производства и производимые им товары и услуги сводят на нет личную и классовую оппозицию, навязывая свои потребности и образ жизни, формируют ложное сознание и подавляют

всякую индивидуальность, что приводит к возникновению модели одномерного мышления и поведения, при которой любые критические, выходящие за ее рамки идеи, побуждения и цели либо принимаются и объясняются системой, либо полностью отвергаются [11, с. 21–25]. Только люди, не вписавшиеся в социальные структуры современного общества, действительно готовы к бунтарству против него. Э. Стоунквист писал, что маргиналы могут иметь два различных пути своего поведения: либо играть роль лидеров социально-политических и националистических движений, либо владеть существованием изгоев [12, с. 29–34]. С точки зрения Э. Лимонова, наиболее революционным типом личности является странный, неустроенный человек, живущий на краю общества. Люди, мечущиеся, беспокойные, меняющие места учебы, службы, работы, места жительства и даже стиль жизни [13]. В политическом поведении маргинальных групп обычно выделяются девиация, аморальность, агрессивность.

В обществе потребления, в котором основой жизни человека является принцип пользы, расчета и заботы о физическом комфорте, желание потреблять всё больше и больше материальных благ, приобщиться к символическим общностям «успешных», «дерзких», «амбициозных» порождает агрессию консьюмеристского бунта, вызванную невозможностью достижения постоянно ускользающего идеала благополучия. Участником консьюмеристского бунта становится прекариат, к которому исследователи относят социально незащищенные слои населения (пожилые люди, инвалиды, нетрудоспособные, мигранты, а также люди, отбывшие срок в местах лишения свободы, беженцы, которые не смогли социализироваться и адаптироваться в новых социальных условиях).

В период распространения пандемии коронавируса COVID-19 бунтуют люди, которые, оказавшись в вынужденной самоизоляции, испытывали эмоциональную усталость, отчаяние и стресс, неуверенность в завтрашнем дне. Ковидные бунты захлестнули США и многие страны Европы: люди выходили на улицы, протестуя против ограничительных мер и запретов на свободное перемещение, обязательность самоизоляции, ограничение контактов. Одна из причин ковидных бунтов — новый вид социальной стратификации в обществе в условиях пандемии. Так, в США смертность от COVID-19 афроамериканцев составила 50,3 на 100 000 человек, в то время как этот показатель среди белых равен 20,7. Смертность от COVID-19 в 10 % наиболее бедных районов Англии вдвое выше, чем в 10 % районов для обеспеченных людей. Такая же тенденция наблюдалась во Франции, Бразилии, Непале, Испании и Индии [14].

Среди участников бунтов в США особую активность проявили люди, которые никогда не работали. В большинстве своем это небелое население США, которое живет в кварталах-гетто на welfare и food stamps. Как известно, одним из самых агрессивных было поведение участников стихийных выступлений, поводом к которому стало убийство при задержании полицейским Джорджа Флойда. При этом выступающие против произвола полиции штурмовали в качестве «бастилий» супермаркеты. Негодование и массовые акции протеста вызвало принятое властями Мадрида реше-

ние 21 сентября 2020 г. ввести особо строгие карантинные меры для 850 тыс. жителей бедных районов города, новые ограничения не касались более богатых и уважаемых районов города.

По мнению У. Эко, жизни современного общества неизменно сопутствует тотальность проявлений карнавализации. Если, по выражению Маркса, революция — это праздник для угнетенных, то бунт по своей глубинной сути близок к карнавалу. Карнавальная бунт имеет ярко выраженные черты хилиастической формы утопического мышления. По мысли А. Я. Гуревича, карнавальная стихия призвана заглушать страхи, наполняющие жизнь человека в условиях голода, мора и войны, бывшие спутниками повседневной жизни в период Средневековья. Карнавал — массовое действо, традиционно противопоставлявшее себя официальной культуре. Бунт в условиях пандемии — это праздник неподчинения. В возникшей в США «народной республике Сиэтл» бунтовщики, изгнавшие полицию, танцевали, ели, выпивали, общались, не обращая внимания ни на необходимость соблюдать социальную дистанцию, ни тем более на самоизоляцию. Карнавализовалась политика, к которой теперь постоянно применяется определение «политика-зрелище» [15]. Характерная для карнавала неразделимость зрителей и участников применима и к протестным действиям, где каждый из участников делал селфи и выкладывал их в сеть. Смех в процессе современного бунта, как и в философии постмодерна, наделяя телесность словом и смыслом, возвращает в культуру значимость телесности, что, в свою очередь, придает слову и смыслу реальность и материалистичность [16]. Весьма характерен в этой связи и лозунг бунтующих: «Мое тело — мой риск — мой выбор». Среди бунтующих оказались так называемые «проснувшиеся (белые) люди», которые выступают за всевозможные права абсолютно всех меньшинств, в том числе представители сексуальных меньшинств, для которых перверсия является привычной формой самопрезентации. Перверсивный характер карнавализации бунта проявился, в частности, в героизации убитого полицейским при задержании афроамериканца Флойда, неоднократно отбывавшего срок за грабежи, распространение наркотиков, вооруженные разбои, которого бунтующие сравнивали с Христом: похороны в золотом гробу, траурная процессия из сотен тысяч скорбящих и рыдающих, тысячи коленопреклоненных, просящих прощения у черного населения.

Заключение (Conclusion)

Таким образом, в условиях нарастающей неопределенности, затронувшей прежде всего культуру повседневности, нарастает лавинообразно «психическая пандемия» страхов, слухов, фейковых новостей, которые порождают тревожность и агрессивность прежде всего тех групп, которые привыкли жить как социальные изживенцы, требующие больше, чем могут себе позволить. Участников ковидных бунтов объединяет желание унижить, подчинить, заставить покаяться тех, кто выше по социальной лестнице, более успешен, вписан в систему, обеспечен. Те, кто попирает закон и порядок, в бунте обретают возможность диктовать

«молчащему большинству свою волю». А воля тех, «кто был ничем», — это воля к тотальному разрушению.

Результат исследования, проведенного авторами, сводится к следующему: бунт как форма социального протеста вызван блокировкой базовых потребностей человека, в том числе потребности в безопасности.

Однако сами формы бунтарства зависят от складывающегося в рамках различных культур конкретно исторического типа личности и насущной социокультурной ситуации. Бунт как форма социального протеста неустраим, а формы его зависят от конкретно-исторического типа «человека бунтующего».

Библиографический список

1. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с фр. И. Я. Валиевич, Ю. М. Денисова, А. М. Руткевича, Ю. Н. Стефанова. М. : Политиздат, 1990. 415 с.
2. Шестакова Е. Г. Фрустрационные теории агрессии (к истории проблемы) // Сибирский психологический журнал. 2009. № 33. С. 36–41.
3. Тилли Ч. От мобилизации к революции / пер. с англ. Д. Карасева ; под науч. ред. С. Моисеева. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 432 с.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М. : Изд-во Моск. Патриархии, 1988. 1371 с.
5. Варёнов А. В., Борисов Д. Э., Азаренко Ю. А. Восстание «Желтых повязок» — преддверие краха Ханьской империи // Китай: история и современность : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 7–8 окт. 2014 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 140–146.
6. Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. 2-е изд. М. : Восточная литература, 2001. 488 с.
7. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр. М. : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
8. Фуко М. Лекция от 1 марта 1978 г. // Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / пер. с фр. В. Ю. Быстрова, Н. В. Сулова, А. В. Шестакова. СПб. : Наука, 2011. С. 257–301.
9. Ильин А. Н. Общество потребления и его сущностные особенности // Ценности и смыслы. 2013. № 6 (28). С. 22–36.
10. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / [пер. с фр. С. Н. Зенкина]. М. : Добросвет, 2000. 389 с.
11. Маркузе Г. Одномерный человек / [пер. с англ. А. А. Юдина]. М. : АСТ : Ермак, 2003. 331 с.
12. Николаев В. Г. Эверетт В. Стоунквист. Маргинальный человек: исследование личности и культурного конфликта (автореферат диссертации с примечаниями 1961 г.) // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. 8, № 1 (29). С. 9–36.
13. Лимонов Э. Другая Россия. М. : Центрполиграф, 2015. 256 с.
14. Коронавирус усилил социальное неравенство. Людей, живущих меньше, чем на \$2 в день, стало на 400 миллионов больше // Esquire : [сайт]. 2021. 25 янв. URL: <https://esquire.ru/articles/237453-koronavirus-usilil-socialnoe-neravenstvo-lyudey-zhivushchih-menshe-chem-na-2-v-den-stalo-na-400-millionov-bolshe> (дата обращения: 14.06.2021).
15. Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / пер. с итал. СПб. : Астрель, 2012. 608 с.
16. Яценко В. Бунт эпохи постмодерна // Мир книг : электрон. б-ка. URL: https://mir-knig.com/read_5616-34 (дата обращения: 14.06.2021).

References

- Baudrillard J. (2000) [*L'échange Symbolique et la Mort*]. Moscow, Dobrosvet Publ., 389 p. (in Russian)
- Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta [The Bible. The Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]* (1988) Moscow, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 1371 p. (in Russian)
- Camus A. (1990) *Buntuyushchii chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo* [The Rebellious Man. Philosophy. Politics. Art]*. Moscow, Politizdat Publ., 415 p. (in Russian)
- Eco U. (2012) [*A Passo di Gambero: Guerre Calde e Populismo Mediatico*]. Saint Petersburg, Astrel' Publ., 608 p. (in Russian)
- Foucault M. (2011) Lektsiya ot 1 marta 1978 goda [Lecture March 1, 1978], *Foucault M. [Sécurité, Territoire, Population. Cours au Collège de France (1977–1978)]*. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 257–301. (in Russian)
- Il'in A. N. (2013) Obshchestvo potrebleniya i ego sushchnostnye osobennosti [Consumer Society and Its Essential Features], *Tsennosti i smysly [Values and Meanings]*, no. 6 (28), pp. 22–36. (in Russian)
- Koronavirus usilil sotsial'noe neravenstvo. Lyudei, zhivushchikh men'she chem na \$2 v den', stalo na 400 millionov bol'she [The Coronavirus Has Exacerbated Social Inequality. 400 Million More People Living on Less Than \$ 2 a Day]* (2021) *Esquire*, January 25. Available at: <https://esquire.ru/articles/237453-koronavirus-usilil-socialnoe-neravenstvo-lyudey-zhivushchih-menshe-chem-na-2-v-den-stalo-na-400-millionov-bolshe/> (accessed: 14.06.2021). (in Russian)
- Le Goff J. (1992) [*La Civilisation De L'occident Medieval*]. Moscow, Progress Publ., Progress-Akademiya Publ., 376 p. (in Russian)
- Limonov Eh. (2015) *Drugaya Rossiya [Another Russia]**. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 256 p. (in Russian)
- Marcuse H. (2003) [*One-Dimensional Man*]. Moscow, AST Publ., Ermak Publ., 331 p. (in Russian)
- Nikolaev V. G. (2006) Ehverett V. Stounkvist. Marginal'nyi chelovek: issledovanie lichnosti i kul'turnogo konflikta (avtoreferat dissertatsii s primechaniyami 1961 goda) [The Marginal Man: A Study in Personality and Culture Conflict (Dissertation Abstract with Notes 1961)]*, *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo [Personality. Culture. Society]**, vol. 8, no. 1 (29), pp. 9–36. (in Russian)

- Shestakova E. G. (2009) Frustratsionnye teorii agressii (k istorii problemy) [Frustration Theories of Aggression (Toward Their Historical Background)], *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Psychology]*, no. 33, pp. 36–41. (in Russian)
- Tilly Ch. (2019) *[From Mobilization to Revolution]*. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 432 p. (in Russian)
- Varenov A. V., Borisov D. Eh., Azarenko Yu. A. (2015) Vosstanie "Zheltых povyazok" — preddverie krakha Khan'skoi imperii [Uprising of the "Yellow Bandages" — the Threshold of the Collapse of the Han Empire]*, *Kitai: istoriya i sovremennost' [China: History and Modernity]**. Ekaterinburg, Ural'skii universitet Publ., pp. 140–146. (in Russian)
- Vasil'ev L. S. (2001) *Kul'ty, religii, traditsii v Kitae [Cults, Religions, Traditions in China]**. 2nd ed. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 488 p. (in Russian)
- Yashchenko V. Bunt ehpokhi postmoderna [Revolt of the Postmodern Era]*, *Mir knig [The World of Books]**. Available at: https://mir-knig.com/read_5616-34 (accessed: 14.06.2021). (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен авторами статьи / Translated by the authors of the article.